

Диана Соул

Операция «Ух», или
НЕВЕСТА
для
ГОРЬУНЫЧА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
С67

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Alexander_P / Shutterstock.com
<<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com
<<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

Иллюстрация на переплете DAFNA
Леттеринг Виктории Лукьяновой

В оформлении форзаца использована иллюстрация:

© NGvozdeva / Shutterstock.com / FOTODOM

Соул, Диана.

С67 Операция «Ух», или Невеста для Горыныча /
Диана Соул. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-229016-9

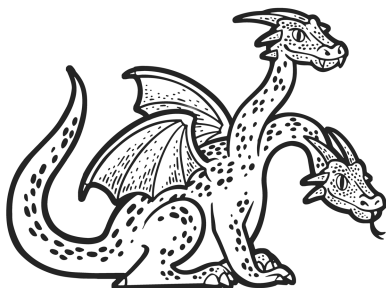
Родила царица в ночь замечательную дочь, точнее, двух — Василису прекрасную и Змеину... подколодную! Всем царевны хороши: одна стройна как лебедь, вторая с таким характером, что любой жених к ногам падет каменным извоянием. Задумал батюшка Гвидон схитрить и выдавать сестер замуж вместе и в приданое — полцарства на двоих. Собрались сваты — а Василису злодей Горыныч возьми и укради!

Змеина — девица не робкого десятка: взяла в провожатые принцев заморских, Финиста Ясного Сокола, егеря северного, настроила клубочек-навигатор — и отправилась сестре на выручку. Новый год на носу, путь к логову Горыныча неблизкий, защитнички у царевны своеобразные. Но как в новогоднюю ночь не случиться чуду?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Соул Д., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229016-9

ГЛАВА 1

Знаете, что общего у Медузы Горгоны и царя Гвидона?

Тут должна быть шутка про букву Г, но... ответ другой.

Общая у них я, дочь, Змеина Подколотная, первая своего имени и, скорее всего, последняя. Потому что замуж я не выйду! Никогда!

Как бы папенька ни старался, на какие бы ухищрения ни пошел, сколько бы планов скользких ни строил!

А впрочем...

— Змеина! — раздался истеричный то ли рев, то ли вопль.

Двери в опочивальню с треском распахнулись, впечатались в стену, так что весь терем пошел ходуном. И в покои влетела моя сестра — Василисуш-

ка свет ее краса Солнцеликая, Прекрасная и во всех степенях ладная, кроме ума и характера.

— Опять из-за тебя все сорвалось! А ну убери перо! Что ты опять там строчишь?

Она коршуном нависла сверху, так что ее пышные груди буквально придавили меня пудовыми гириями, прости господи. На одну лег, второй накрылся. Мечта всех богатырей округи!

Я беспокоиться не стала, прятать написанное тоже, выжидательно наблюдала, как сестрица пытается по слогам прочесть бересту.

— Ч-то-о-о-о обще...

Понимая, что это надолго, пришлось прервать:

— Не старайся. Это историческая летопись.

По лицу Василисы пробежало раздражение.

— Не про меня? — зачем-то уточнила она.

— Вот еще, летопись на тебя тратить, — фыркнула я, но бересту все же скрутила. — Зачем пришла?

Василиса, похоже, уже запомнила о причинах своего гневного появления. Моя сестрица была насколько красива, настолько же наивна и однозадачна. *Тут могла бы быть шутка про первый пентium, но их еще не изобрели.*

Ее прекрасное личико вспыхнуло гневом, и на меня вывалилась тирада:

— Батенька никогда меня замуж не выдаст! Вчера явились королевичи ко двору, все красавцы неписанные. Заморские! Один краше другого, а богатство ого-го. — Она растопырила руки в стороны. — А достоинства ВО! — Расправила руки в косую сажень. — А золота столько, ах... — От ко-

личества золота сестрица аж задохнулась. — Три килограмма — это много?

Я отошла к окну, отвернулась спиной к сестре, скрестила на груди руки. И пока длилась ее речь, сосредоточенно рассматривала в окно пейзаж Русиматушки, уходящий вдаль. Просторы неопишуемые, взглядом необъятные, дробями сложными поделенные на приданое между многочисленными дочерьми царя Гвидона. Снегом застеленные, выюгой завеенные.

Не пройдешь, не проедешь без саней.

— И все мне понравились, — продолжала Василиса. — Я бы хоть завтра за любого, так опять ты вмешалась. Сегодня все королевичи в нужниках сидят!

— Королевский зад поднять не могут? — уточнила я, оборачиваясь и на мгновение потеряв контроль, мой язык из обычного превратился в узкий, раздвоенный.

— Змеища! — взвизгнула Василиса и принялась бить меня кулаками в спину. — Страшилище, уродина! Ты всегда мне завидовала, вот козни и строишь!

Я резко обернулась уже всем корпусом, трансформация была быстрой, хоть и не полной.

Два ядовитых клыка сверкнули, Василиса испуганно ойкнула и отпрянула.

— Полегче с-с-со с-словами, — прошипела я. — Один укус-с — и ты с-с-статуя, такая же красивая, тупая и холодная!

И без того огромные синие глаза сестрицы совсем округлились. Чернящие ресницы захлопали от обиды, а в уголках навернулись слезы.

Василису стало жалко.

Вот искренне, не со зла она, а от глупости.

Я вернула себе человеческое лицо, вздохнула и принялась объяснять этой дурынде.

— Хочу напомнить, что полцарства у нас с тобой на двоих общие, — начала я. — И замуж нас по приказу батюшки положено также отдавать обеих одновременно. Твои принцы по одному не ездят, то брата притащат, то свата, то дядьку, то лучшего друга... Берут тебя, а заодно и меня, но что-то все резко передумывают. Две дочери за полцарства! Это главное условие батюшки!

— Тебя не берут, потому что ты... — Она опять хотела сказать что-то про мою внешность, но предвзвешенно промолчала.

— Или тебя не берут, потому что неизвестно, кто из нас старшая дочь, — парировала, а заодно напомнила я.

Василиса задохнулась от возмущения:

— Зато я законная, от царицы Лебедь!

— А я точно родилась раньше на пару дней, — рыкнула я. — Нашему папеньке не нужно было накануне свадьбы комариком на острова Греции летать. Косточки у него, видите ли, от суровой зимы промерзли. Загулял с Горгоной и бросил!

Василиса напыжилась, покраснела, но промолчала. Потому что дальше эту историю хоть и знало все царство-государство, но официально про нее говорить было не принято. Мать моя, Медуза Горгона, решила, что в одиночку воспитывать дочь не собирается. Да и повадились к ней на остров всякие богатыри греческие шастать с мечами. Вот от

греха подальше и отправила она корзинку с фруктами и новорожденной дочерью папе Гвидону.

Тот же слыхом не слыхивал, что Горгона-то, оказывается, была беременна, и радовался в то время другому событию. Его законная супруга королева Лебедь разрешалась от бремени. Дочь Василиса была самым красивым младенцем на свете, ни в сказке сказать, ни пером описать. Все царство гуляло три дня и три ночи после того, как объявили о рождении столь славного ребенка.

А через пару дней информацию, идущую в народные массы, поправили, мол, оказывается, родилось два младенца: родила царица в ночь вторую — не то сына, не то дочь, не утенка, не лягушку, а противную змеюшку!

Правда же была чуточку иной.

Когда Гвидону принесли меня в корзинке, тот сразу все понял. У меня были глаза папочки и змеиный язык мамочки.

Королева Лебедь долго билась в истерике, что такому чудовищу, как я, нечего делать во дворце рядом с ее прелестной Василисой Прекрасной. Вдобавок еще обнаружилось, что Василиса умеет обращаться в премилого лягушонка, которого я то и дело пыталась сожрать в своей змеиной ипостаси. Но Гвидон был непреклонен: то ли чуял сразу, что одна наследница хорошо, а две лучше, а может, чувства отцовские разыграли.

В общем, меня оставили. И более того, официально объявили близняшкой Василисы.

Вопрос со старшинством только был до сих пор открыт.

— Я все равно выйду замуж! — насупилась Василиса. — Хочешь ты того или нет.

— Да пожалуйста. Кто ж против? — изумилась я и прищелкнула пальцами. — Ах да. Я и против. Потому что полцарства наши общие, и я не позволю их разбазаривать на непонятных женихов. А тем более заморских! Полцарства не резиновые, лишних у нас не валяется!

Василиса пыхтела, злилась, мяла подол платья. Было видно, как мозги ее шуршат и соображают, пытаясь найти выход из ситуации.

— И как, по-твоему, тогда нам замуж выходить? Если ты за эти полцарства удавиться готова? — наконец спросила она. — Может, у тебя есть кто на примете, чтобы достойный был и чтобы брат у него нашелся, чтобы нас двоих да в одни руки?

Я гневно сощурилась. Если бы в наше время уже были в моде сильные и независимые барышни, я бы так Василисе и сказала. Мол, извиняй, но я как-нибудь без замужа и тебе не советую. А то, знаешь, все эти лобызания в ночи, слюнообмен, фу — гадость.

И вообще, я наполовину рептилия. Вдруг у меня процесс размножения как-то иначе устроен? А роды? Что, если придется икру или яйца откладывать? Я же хотела подойти к делу ответственно. Вначале изучить теоретическую часть, а потом уже переходить к практической. Разумеется, с самым наидостойнейшим кандидатом.

Василису же ничего из этого не пугало, она хоть сейчас была готова приступить, поэтому объяснять пришлось по-простому.

— Жених местный должен быть и со своим полцарством, то бишь жилплощадью. И не в ипотеку! Чтобы не он к нам со своими родственниками, а мы к нему. На расширение государства надо работать! Муж должен быть хозяйственным, надежным и богатым. И три килограмма — это мало!

— А четыре? — тупо уточнила Василиса. — Иван-царевич говорил, что у него четыре. Или двадцать четыре?..

— Если в сантиметрах — можешь подумать, — хихикнула я.

— Двадцать четыре сантиметра золота — это нормально? — тотчас воодушевилась Вася и повернулась к дверям. — Пойду уточню, что он имел в виду вчера поздно вечером в беседке, когда про это говорил.

— Стоять! — тотчас опомнилась я. — В какой это беседке он тебе вечерком про свои золотые двадцать четыре сантиметра рассказывал?

Васенька зарумянилась.

— В северной, розами обсаженной. Там, правда, сейчас одни сосульки... Ты же не расскажешь бабюшке?

Не скажу. Сама разберусь. Заодно узнаю, как это Иван-царевич всеобщего проклятия на притягательность нужника избежал...

— У нас все равно ничего дальше лобызаний в руки не было! — Вася надулась и обвинила: — Из-за тебя, между прочим!

А, то есть не избежал. И то хорошо! Но воспитательная беседа с царевичем точно требуется.

Шум со стороны внутреннего двора переключил мое внимание. Пришлось вновь выглянуть в окно, чтобы с ужасом узреть целую делегацию, въезжающую через главные ворота. На вороных конях, ржущих аки, собственно говоря, кони, топающих, как сороконожки-переростки, во двор въезжала словно рота гвардейцев в золотых доспехах. Закатное солнце освещало чешуйчатый узор на латах, шлемах и даже перчатках.

— Раз... два... три... — принялась считать, выглядывая из-за моей спины, Василиса. — Четыре... шесть... десять. Ой, сбилась!

— Тридцать три их, — мрачно заявила я, узрев во главе этого балагана Черномора.

Дядькой он нам не был, а вот правителем соседнего царства вполне. Минус был только один — царство было под водой.

Василиса радостно взвизгнула.

— Змеюка, — похлопала она меня по плечу. — Кажется, твои пожелания сбылись. Тридцать три брата, все равны, как на подбор, красавцы, ух! И с золотишком, ты представляешь, сколько Черномору регулярно с тонущих кораблей перепадает? И наши полцарства ему не сдались, у него свое! Огромное!

Я даже не глядя ощутила, как глазки Василисы мечтательно закатились в предвкушении жемчуга морского да камней редких.

— Только царство это надо на тридцать три поделить, каждому сыночку по клочочку, — напомнила я. — И на берег выходить можно только один раз в год. Все остальное время там чахнуть!

— Ерунда, — отмахнулась Василиса, подбирая юбки. — Побегу встречать! Папенька, наверное, уже приготовил пир горой для таких гостей! Надо успеть привести себя в порядок!

Я даже не успела ничего ответить, как легкомысленной бабочкой сестрица упорхнула и даже двери за собой не прикрыла. Тридцать три богатыря во главе с Черномором тем временем сползали со своих коней, выстраивались в шеренгу, чтобы пройти в царский терем.

— Беда... Чтоб вас ежки пожрали, — задумчиво выдохнула я.

Что-то подсказывало: трюк с нужником второй раз не пройдет. Батенька после вчерашнего конфуза всю еду проверит, прежде чем ею гостей потчевать. Да и праздник скоро... он непременно захочет сэкономить государев бюджет и справить сразу и Новый год, и две свадьбы...

В общем, плохой для меня знак. Очень плохой! Придется самой спускаться к банкету. Пугать женихов прямым контактом, так сказать.

В отличие от Василисы, я прихорашиваться не собиралась. Подошла к зеркалу, оглядела себя с ног до головы. Тощенькая, будто не кормили. Бледненькая, словно на солнце не выхожу. Нос длинный, а вот губы алые, словно только что крови напилась. Еще были мышинного цвета волосы... кто-то назвал бы их серебряными, но я не питала иллюзий. Мои три волосины — не чета царской косе Василисы: у той коса была с руку толщиной, а мои патлы непослушно таращились во все стороны, а иногда и двигались сами по себе хаотично, слов-

но вот-вот готовились ожить и превратиться в змей. Таких конфузов благо не случалось, но кто знает... кто знает.

Я еще раз глянула на себя в зеркало, сфокусировалась и вырастила на коже крохотные чешуйки, нарочно уродуя себя. Чешуйки хаотично проступали одна там, другая сям — словно болезненная сыпь. От удовольствия от проделанной работы я довольно высунула раздвоенный язык наружу.

Никакого замужа, мне и тут неплохо! Тем более ни один из тридцати трех богатырей не был моего поля ягодой.

В таком виде я и вышла из собственных покоев. Двинулась на банкет! Себя показать, народ попугать!

ЛАВА 2

Долго ли, коротко ли, но путь к банкетному залу я решила проложить через кухню. Это только говорят, что молния в одно место дважды не бьет, а на практике...

Я уже шуршала в кармашке платья суконным мешочком с «клизменной травой», мечтательно прикидывая, хватит ли нужников в царстве сразу на тридцать три богатыря и всех сопутствующих жертв...

Но планам было не суждено сбыться: едва я завернула к кухне, как путь мне преградил Финист

Ясный Сокол. Я уткнулась в его серебряные латы носом и отскочила, как Колобок от стенки. Задрала голову, посмотрела в очи черные, оглядела кудри белые да морду смазливую. Альфонсовую — а вы как думали. Финист тот еще паскудник!

— Ты что тут делаешь? — выпалила я.

— Приказ вашего батюшки не впускать царевну Змеину на кухню.

Я гневно сощурилась.

— И он поставил сюда тебя? Одного? — уточнила я. — Совсем ему тебя не жалко, что ли? Или у нас лишний Финист в царстве завелся?

Ясный Сокол тяжело вздохнул, похоже, ему было жалко самого себя больше, чем кому-либо. Ведь он все понимал... либо слушается приказов батюшки, либо...

— Если не отойдешь, — пригрозила я, — я сегодня же напишу письмо Марье Моревне, подскажу, где тебя искать...

Испуг промелькнул в глазах Сокола, и даже несколько мгновений он колебался. А я ждала, что же перевесит: страх между отцом или Марьюшкой... Я ставила на второе.

— Ни с места не сойду! — внезапно поразил меня ответом пройдоха. — Хоть два письма Марьюшке пиши!

Я невольно отступила. Странно. Очень странно.

— Ну как знаешь, — туманно ответила я и развернулась, мгновенно переигрывая планы.

Пройдоха Финист всегда знал, с каким огнем можно играть, а с каким нет. И со мной он (с тех пор, как получил у батюшки политическое убежи-

